

Е. Соловьев

О. И. Сенковский

**Его жизнь и литературная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е. Соловьев
Е11 О. И. Сенковский: Его жизнь и литературная деятельность / Е. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2016. – 82 с.

ISBN 978-5-518-00962-2

Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова.
О. И. Сенковский: его жизнь и литературная деятельность, в связи с историей современной ему журналистики. С портретом Сенковского, гравированным в Петербурге К. Адтом.

ISBN 978-5-518-00962-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Вмѣсто предисловія.

Характеристика русской журналистики вообще.—Журналистика 20-хъ и 30-хъ годовъ. — Н. И. Полевой и «Московскій Телеграфъ». — Надеждинъ. — «Телескопъ». — «Система» эпохи Николая I-го. — Судьба интеллигентной мысли. — Цензурныя строгости. — Запрещеніе «Телескопа». — Письмо Чаадаева. — Булгаринъ.

Журналистика, хотя нѣсколько напоминающая современную намъ, выступила на сцену еще при жизни императора Александра I-го, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія. Русская мысль того времени склонялась къ оптимизму, къ жизнерадостному настроенію и полному примиренію съ окружающимъ. Литература съ замѣчательнымъ талантомъ проводила эту точку зрѣнія на жизнь, во имя когорой работала и Пушкинъ. Самое недовольство бытіемъ принимало форму не лермонтовскихъ проклятій, не «романтическихъ» взрывовъ негодованія, — а грустной элегіи, поэтической меланхоліи, которая служила очень милымъ и красивымъ дополненіемъ къ господствовавшему эпикуреизму. То бурный и вакхическій, какъ въ стихотвореніяхъ Языкова, то тихій и наивный, какъ у Жуковского, то съ философскимъ колоритомъ, съ признаніемъ первенствующей роли за эстетическими наслажденіями, какъ у Пушкина, — этотъ эпикуреизмъ, принимая различныя формы, оставался вѣренъ самому себѣ, заставлялъ искать примиренія съ жизнью, и дѣйствительно всѣ дѣятели 20-хъ годовъ въ концѣ концовъ нашли его: Жуковский — въ религіи и руссофильствѣ, Пушкинъ — въ творчествѣ, Языковъ — въ покаяніи и смиреніи личномъ, въ гордости своей родиной. Конечно, это не единственное настроеніе двадцатыхъ годовъ, но настроеніе господствующее, завѣщанное первой половиной александровской эпохи, когда такъ легко вѣрили и такъ весело, шутливо жили. Самые литературные нравы того времени такъ рѣзко отличались отъ нашихъ, что нужно особенное усиліе, чтобы составить о немъ хотя приблизительно понятіе. Ужъ ни въ какомъ случаѣ литература не была потребностью и даже необходимой потребностью, какъ въ настоящее время. Большинство публики смотрѣло на нее какъ на роскошь, сами писатели даже и не мечтали ставить ей какія бы то ни было практическія цѣли.

Поэты творили прежде всего для самихъ себя и охотно признавались, что исканіе славы, т. е. вліяніе на современниковъ, есть слабость человѣческая, достойная порицанія. Такъ думали и Пушкинъ, и Жуковский, такъ думали и тѣ, кто группировался возлѣ нихъ, и во всякомъ случаѣ литература и жизнь ничего общаго между собою не имѣли: если послѣдняя была пустыней, то первая—ничѣмъ инымъ, какъ миражемъ среди этой самой пустыни. Знаменитая формула «искусство для искусства» не могла даже встрѣтить какогонибудь возраженія, она была одной изъ аксіомъ, одной изъ заповѣдей, написанныхъ на скрижаляхъ творчества. Возьмите нашихъ писателей, олимпійцевъ того времени, возьмите прежде всего Пушкина и его учениковъ. Для чего писали они? На этотъ вопросъ съ ихъ стороны нѣтъ отвѣта, и во всякомъ случаѣ Пушкинъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ бы его отъ себя. Писать для чего нибудь—можно развѣ канцелярскую бумагу или какойнибудь проектъ ассенизаціи, можно писать лишь потому, что есть потребность творчества, потребность пастойчивая и деспотическая, такая-же, какъ ѣсть, пить, спать, безъ удовлетворенія которой нѣтъ полноты жизни и довольства; можно писать лишь по призыву внутренняго чувства, чтобы воплотить тревожные образы, дать выходъ и просторъ накопившемуся чувству. Писатель это — жрецъ, стоящій передъ невѣдомымъ богомъ искусства, но никакъ не передъ толпой современниковъ.

Само собою разумѣется, что подобное настроеніе было очень далеко отъ мысли взваливать на литературу какія-бы то ни было общественныя задачи и ставить ей какія-бы то ни было практическія цѣли. Литература служила обществу, гуманизировала его, воспитывала его мысль и чувство—это несомнѣнно; но все это дѣлалось помимо самихъ писателей, лучшіе изъ которыхъ держались на литературу своей собственной точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія рѣшительно ничего не имѣла противъ того, чтобы художественные образы воздвигались, говоря метафорически, на болотѣ общественной жизни, чтобы чудныя созданія искусства точно камни драгоценныя съ неба падали въ обстановку, ничего общаго неимѣвшую съ ихъ блескомъ и красотой. Литература, просто-на-просто, была аристократической. Цѣнителями и судьями былъ строго ограниченный кружокъ писателей олимпійцевъ, мнѣніе массы игнорировалось столько-же, сколько и ея стремленія и цѣли ея бытія. Въ своей творческой дѣятельности поэтъ искалъ прежде всего наслажденія, смѣло и свободно отдавался онъ порыву вдохновенія, не тревожа себя мыслями о земныхъ задачахъ и противорѣчійхъ. Онъ былъ худож-

никомъ въ лучшемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самомъ узкомъ смыслѣ этого слова.

Онъ искалъ наслажденія въ творествѣ, и забота о «мелкой» жизненной правдѣ не всегда тревожила его душу.

Трудно сказать, въ какой глухой переулочекъ ударилось-бы подобное направленіе, однако на сцену появилась журналистика.

Нельзя отрицать, что журналистикѣ вообще въ дѣлѣ сближенія литературы и жизни пришлось сыграть выдающуюся, хотя и не исключительную роль. Кому же какъ не журналистикѣ Россія обязана тѣмъ, что въ ней въ настоящее время обрѣтается такая масса читателей? Это одно чего нибудь да стоптъ, и съ нашей точки зрѣнія стоитъ очень многого. Безъ этой массы народа, способной интересоваться написаннымъ и понимать его, — литература никогда-бы не могла сдѣлаться общественной силой, она все-бы еще продолжала изображать изъ себя прекрасную картинную галерею, входъ въ которую доступенъ очень немногимъ. Масса читателей нужна, необходима даже, чтобы вывести литературу изъ очарованнаго круга чисто эстетическихъ задачъ и идеаловъ и превратить писателя въ общественнаго дѣятеля. Конечно мадонна Рафаэля сама по себѣ ровно ничего не выиграетъ и ровно ничего не потеряетъ, будутъ ли на нее смотрѣть 5 или 5000 человекъ: въ томъ и другомъ случаѣ она одинаково остается дивнымъ созданіемъ искусства, великимъ памятникомъ того, до какой высоты можетъ подняться духъ человѣческой; но вліяніе художественнаго творчества на жизнь складывается не изъ одного элемента, т. е. достоинства самаго произведенія, а изъ двухъ: достоинства—это во-первыхъ, общедоступности—во-вторыхъ. Во имя этой общедоступности, во имя распространенности и популяризаціи и работала всегда русская журналистика; и работала, надо отдать ей полную справедливость, и энергично, и въ сущности умѣло.

Двумя путями создавала она массу читателей: съ одной стороны давая ей интересное, разнообразное и доступное чтеніе, съ другой—популяризуя знанія, воспитывая эту массу и пододвигая ее понемногу къ тѣмъ высотамъ, до которыхъ добралась художественная литература и наука. Оттого-то журналы и играли всегда такую выдающуюся роль у насъ въ Россіи, оттого-то и возможно высказывать мнѣніе: «въ исторіи нашего умственнаго развитія журналистика является какъ-бы центральной осью». Журналистика, повторяемъ, это постоянный посредникъ между художественной литературой и наукой, и массой публики.

Вѣдь то же самое, что мы говорили объ аристократизмѣ художественной литературы, вполне примѣнимо и къ наукѣ, примѣнимо даже теперь, не говоря уже о томъ, что было 50 лѣтъ тому назадъ. Еще въ сороковыхъ годахъ Вѣлинскій писалъ: «Наука у насъ слишкомъ слабое и вѣжное растеніе, которому некогда было даже пустить корней, не только развернуться пышнымъ и благоуханнымъ цвѣтомъ. Это впрочемъ не значитъ, чтобы у насъ не было науки; это значитъ только, что наука на Руси до сихъ поръ еще что-то вродѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей, а не цѣлаго общества, какъ въ западной Европѣ. Многіе еще изъ посвящающихъ себя исключительно наукѣ, у насъ учатся не для знанія, а для аттестатовъ, открывающихъ путь къ разнымъ преимуществамъ по службѣ. Засѣданія ученыхъ обществъ въ глазахъ нашей публики, на которыя должно смотрѣть съ приличною важностью, не зѣвая. Самъ Араго не привлекъ-бы своими статьями и отчетами разнообразной и полной просвѣщеннаго интереса толпы». Если это справедливо для сороковыхъ годовъ, то что-же сказать о 20-хъ и 30-хъ? То только, что наука была для массы совершенно постороннимъ предметомъ.

Очевидно, что журналистика, принявши на себя отчасти по силѣ необходимости, отчасти по доброму желанію своихъ руководителей, роль посредника между массой съ одной стороны, художественной литературой и наукой—съ другой, должна была проникнуться энциклопедическимъ направленіемъ и развить по возможности отдѣлъ литературной критики. Та и другая особенность сразу бросается въ глаза не только въ томъ случаѣ, если вы возьмете на себя трудъ перелистать старые журналы двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, но и журналы настоящаго времени. Статьи по естествознанію, статьи по исторіи, языкознанію, біологіи, социологіи, психологіи—чередуются съ романами и повѣстями. *Utile cum dulci*—таковъ девизъ, провозглашенный еще «Московскимъ Телеграфомъ» Полевого, «Библіотекой для Чтенія» Сенковского, «Отечественными Записками» и т. д. Рядомъ со всѣмъ этимъ—литературная критика, и притомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Роль и значеніе этой критики нашли себѣ прекрасную оцѣнку въ статьяхъ Вѣлинскаго. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ: «У насъ общественная жизнь преимущественно выражается въ литературѣ; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если всѣ наши журналы по преимуществу—журналы литературные, наполняемые или произведеніями литературы, или толками о литературѣ». И дальше: «Безъ литературнаго мнѣнія, сколько

нибудь оригинальнаго и самообытнаго, высказываемаго съ бѣльшимъ или меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у насъ журналъ уже не можетъ имѣть успѣха. Критика, въ отношеніи къ успѣху и вліянію журнала, начинаетъ становиться едва-ли не важнѣе самихъ повѣстей. Правда, подѣ критикою у насъ еще не всѣ разумѣютъ разсмотрѣніе произведеній искусства на основаніи науки изящнаго; напротивъ, большая часть публики добродушно почитаетъ критикою всякую болтовню о литературныхъ предметахъ, всякую рецензію на пустую книжонку, — и потому у насъ стоитъ только назвать себя критикомъ, чтобы прослыть критикомъ... но все-же душа журналистики—литературная критика».

Если читатель согласенъ съ изложеннымъ выше взглядомъ на журналистику и на ея роль у насъ, на Руси, то какъ нельзя болѣе понятными станутъ для него и нижеслѣдующія слова Бѣлинскаго, сказанныя имъ въ 1841 году: «И такъ, этотъ успѣхъ журналистики, душа которой—критика, служитъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что литература наконецъ укоренилась на почвѣ русской національности, вошла въ жизнь общества, сдѣлалась его обычаемъ и живою потребностью и уже перестала быть внѣшнимъ нововведеніемъ, модою или книжнымъ педантизмомъ».

Этотъ успѣхъ журналистики созданъ прежде всего ею самою, и мы скоро увидимъ, какъ не дешево онъ ей достался.

* *
*

Вспоминать о журналистахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—значитъ вызывать передъ собой скорбныя тѣни. Глубокая пропасть времени, лежащая между нами и ими, позволяетъ отнести къ нимъ безъ ненависти и раздраженія, и какъ только мы устранимъ эти чувства, намъ не можетъ не овладѣть самою искреннее состраданіе. Многие изъ нихъ были смѣлые и хорошіе, даже честные люди, многие не остались таковыми, пройдя тяжелую и многотрудную карьеру журналиста. Передъ нами тѣнь Надеждина, разбитаго параличемъ послѣ неожиданной для него поѣздки въ Вятку; тѣнь Полевого, потерявшаго все—талантъ, силу, здоровье, славу въ борьбѣ съ независимыми обстоятельствами. Скорбныя тѣни многострадальныхъ людей, которымъ если не все, то многое простится, даже за малое содѣянное ими, ибо и на это малое приходилось убивать недюжинныя силы...

Начнемъ съ Полевого. Бѣлинскій, Панаевъ и вообще кружокъ «Современника» произнесли ему когда-то суровый приговоръ. Вотъ напр.,

что говоритъ Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ: «Немногіе, даже изъ замѣчательныхъ людей, берегаютъ до старости то живое начало, ту смѣлость духа, тѣ благородныя стремленія, которыя одушевляли ихъ и давали имъ силу въ молодости...» Грустно смотрѣть на этихъ ослабѣвшихъ людей, но... «ничто не можетъ быть жалче и печальнѣе, когда видишь человѣка, разбитаго жизнью, безсильнаго, пережившаго самого себя, старающагося насильно удерживать за собою власть, принадлежавшую ему нѣкогда по праву.—человѣка, прикидывающагося молодцомъ, когда уже ноги дрожатъ и измѣняютъ ему на каждомъ шагу и съ робкой завистью отрицающаго дѣйствительную силу, проявляющуюся въ новомъ поколѣніи. Такое зрѣлище представлялъ къ сожалѣнію въ послѣдніе годы своей жизни нѣкогда сильный литературный боецъ, подъ вліяніемъ котораго воспиталось почти все наше поколѣніе. Я говорю о Полевомъ... Если-бы онъ, послѣ рокового произвола, обрушившагося надъ нимъ, присмирѣлъ по-неволѣ и продолжалъ-бы честно и смиренно трудиться, съ единственною цѣлью поддерживать свое многочисленное семейство, имя его осталось-бы незапятнаннымъ въ исторіи русской литературы. Но Полевой съ-испутомъ поспѣшилъ употребить слабыя остатки своего таланта на угодничество, лесть, которыхъ никто отъ него не требовалъ; безпрестанно унижалъ безъ нужды свое литературное и человѣческое достоинство, протягивая свою руку людямъ отсталымъ, пошлымъ, защитникамъ тѣхъ принциповъ, противъ которыхъ онъ когда-то ратовалъ, отъявленнымъ негодяимъ, и что всего хуже—съ завистливою ненавистью обратился къ новому поколѣнію... Хотя онъ совершенно потерялъ въ послѣдніе годы свое литературное значеніе, но смерть его на мгновеніе примирала всѣхъ съ нимъ. Полевой, восхвалявшій романы частнаго пристава Штевена, писавшій «Парашей-Сибирячекъ» и другія тому подобныя произведенія, былъ забытъ. Въ простомъ деревянномъ гробѣ, выкрашенномъ желтою краскою (онъ завѣщалъ похоронить себя какъ можно проще) передъ нами лежалъ прежній Полевой, тотъ энергическій редакторъ «Моск. Тел.», которому мы были такъ много обязаны нашимъ развитіемъ»...

Жестокая правда скрыта въ этихъ словахъ, но правда одна-сторонняя, слишкомъ, я-бы сказалъ, сухая. Мы имѣемъ полное право нѣсколько иначе отнестись къ Полевому.

Странная и даже ужасная судьба выпала на его долю. Нуженъ великій художникъ, чтобы изобразить эту простую и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненную трагизма жизнь! Авторъ «Исторіи русскаго народа»,

предшественникъ Лермонтова по настроенію, сильный боець и передовой человекъ, гибкій и энергичный умъ, открытое, живое сердце—это Полевой въ первой половинѣ своей жизни. Авторъ заядло-патріотическихъ произведеній, сотрудникъ Булгарина, человекъ, не остававшийся ни передъ какими униженіями, торговавшій своимъ талантомъ и быстро промотавшій свою великую славу на скользкомъ пути подслуживанія, — это тотъ же Полевой, но уже послѣ закрытія «Москов. Тел.». Что-же случилось? Панаевъ объясняетъ такую перемѣну испугомъ и матеріальными затрудненіями. Полевой былъ сломанъ по пословицѣ: сила солому ломить.

Разскажемъ вкратцѣ его литературную біографію: это избавитъ насъ отъ необходимости произносить непріятный приговоръ самому видному изъ русскихъ журналистовъ вплоть до Бѣлинскаго и быть можетъ хоть нѣсколько послужитъ ему оправданіемъ. Тѣмъ мрачнѣе представится намъ различнаго рода независяція обстоятельства.

Полевому было съ небольшимъ 20 лѣтъ, когда онъ принялся за изданіе «Телеграфа». Нельзя не согласиться, что, несмотря на свою молодость, онъ былъ какъ нельзя лучше приготовленъ къ роли журналиста. Не особенно образованный, онъ обладалъ однако многочисленными и разнообразными знаніями; писалъ онъ легко, свободно и всегда литературно, прекрасно владѣя своимъ нѣсколькимъ рѣзкимъ и оригинальнымъ юморомъ, а главное—онъ былъ достаточно смѣль, чтобы довѣриться своему вкусу и настроенію. Какъ истинный журналистъ, писалъ онъ обо всемъ, о русской и всеобщей грамматикѣ, о санскритскомъ языкѣ, объ исторіи всеобщей и русскихъ лѣтописяхъ, о театрѣ и политической экономіи, о промышленности и о Шекспирѣ, о научныхъ теоріяхъ и объ искусствѣ, о преобразованіяхъ и успѣхахъ по всемъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Конечно академія имѣетъ полное право не причислять его къ лику своихъ членовъ, а наука—отнюдь не меньшее—забыть его, но намъ трудно не вспомнить съ благодарностью объ этой кипучей, разносторонней дѣятельности. Она имѣла большой смыслъ и въ свое время прекрасно сыграла роль толчка—и притомъ очень энергичнаго. Полевой повсюду, съ рѣзкимъ и грубоватымъ даже юморомъ нападалъ на заснувшихъ лѣнтяевъ и педантовъ; онъ буквально не давалъ имъ покоя, въ какія бы спеціальныя сферы или норы они не прятались. Онъ по пятамъ преслѣдовалъ ученое и литературное самодовольство, безжалостно осмѣивая его представителей, искренне утвержденныхъ въ мысли о своей геніальности, вслѣдствіе какой

нибудь плохо изданной кѣмпилляціи по нѣмецкимъ учебникамъ. Если и въ настоящее время нерѣдко попадаются люди, основывающіе всѣ свои претензіи на величіе лишь на томъ, что имъ извѣстна грамматика такого языка, который даже не снился простому смертному, то что-же было 60 — 70 лѣтъ тому назадъ? Все равно какъ каждый строчившій библиографическія замѣтки, наивно воображаетъ себя критикомъ, какъ авторъ дикаго стихотворенія требовалъ причисленія къ сонму поэтовъ,—такъ и ничтожный компиляторъ находилъ въ своей душѣ достаточно самоувѣренности, чтобы мнить себя жрецомъ науки и съ этой высоты съ презрѣніемъ поглядывать на окружающее вообще, человѣчество въ частности. У Полевого на этотъ счетъ была своя собственная точка зрѣнія, не достаточно рѣзко формулированная, быть можетъ не совсѣмъ ясная даже для него самого, и все же замѣчательная, и для насъ очевидная. Эта точка зрѣнія, одушевленная въ послѣдствіи гениемъ Бѣлинскаго, согрѣтая его чуднымъ, безконечно любящимъ и вѣрующимъ сердцемъ, составила всю славу нашего великаго критика. Я говорю конечно объ общественной точкѣ зрѣнія. Не особенно симпатичная, разъ она предлагается намъ въ слишкомъ искаженномъ видѣ, еще менѣе симпатичная, когда ее примѣняютъ механически и односторонне къ произведеніямъ науки и искусства, она однако всегда имѣла и будетъ имѣть большое значеніе. Прекрасно формулирована она Бѣлинскимъ: «Свобода творчества, говоритъ онъ, легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать насильно, насилловать фантазію; для этого нужно быть только гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровье, практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни». Всякому извѣстно, какой переворотъ въ нашихъ взглядахъ и понятіяхъ произвела эта общественная точка зрѣнія; несомнѣнно, что она была у Полевого. Понятно теперь, почему онъ съ такой энергіей преслѣдовалъ всякихъ ученыхъ педантовъ и птичьихъ поэтовъ, ибо на всякую дѣятельность — все равно научную или литературную—онъ смотрѣлъ прежде всего какъ на дѣятельность общественную. Большой поклонникъ Пушкина, вполне убѣжденный въ его гениальности, онъ нападалъ даже на него. «Полевой, говоритъ А. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей литературы», представилъ въ своемъ «Моск. Тел.» первые задатки оцѣнки писателей, принимая въ соображеніе не одну степень таланта и эстетическія достоинства произведеній, но

также и политическую репутацию. Такъ, при всѣхъ похвалахъ, расточаемыхъ имъ Пушкину, онъ, насколько возможно, довольно прозрачно проводилъ ту мысль, что Пушкинъ уже не тотъ, что былъ, и, нападая на его стремленія къ великосвѣтскости, ясно намекалъ на тѣ новыя, официальные связи и отношенія, которыя завязались у Пушкина послѣ 1826-го года».

Сильный и остроумный писатель, врагъ всякаго авторитета, прекрасный полемистъ, Полевой очевидно долженъ былъ возбудить противъ себя цѣлую стаю литературныхъ недруговъ, буквально недававшихъ ему ни минуты покоя. Совершенно правъ его братъ, говоря:

«Издатель «Московского Телеграфа» только началъ свое литературное поприще и уже въ первое время существованія его журнала, былъ, можно сказать, осыпанъ нападеніями и обвиненіями всякаго рода, начиная отъ обыкновенныхъ литературныхъ противорѣчій до самыхъ дерзкихъ и нелитературныхъ выходокъ. Онъ былъ не Карамзинъ, не прославленный ученый и профессоръ; онъ учился не въ университетахъ, не въ академіяхъ; а въ глазахъ тогдашней публики было важно не только это обстоятельство, но и то, что у него не было дипломовъ ни на какое ученое званіе, что такъ усердно старались пояснить благородные, повптые на щитахъ, его противники. Они упрекали, кололи его званіемъ; выводили послѣдствія, по ихъ мнѣнію, очень логическія, что званіе купца, слѣдовательно торговца, промышленника, несомнѣнно съ литературными занятіями, и, почитая его какимъ-то парією среди благородныхъ кастъ, на этомъ основаніи позволяли себѣ дерзости, какихъ не осмѣлились бы сказать другому. Наконецъ издатель «Московского Телеграфа» могъ опасаться, что съ нимъ сбудется то, что Бомарше вложилъ въ уста Донъ-Базиліо о клеветѣ: «самая пошлая, самая нелѣпая клевета оставляетъ послѣ себя слѣдъ».

Въ этихъ клеветникахъ, злостныхъ и упорныхъ нападахъ на Полевого, какъ нельзя лучше проявились болгаринскіе нравы литературы того времени. Но на Полевого нападали и съ другой стороны.

Въ немъ на самомъ дѣлѣ была та самостоятельность мысли и чувства, которая такъ не нравилась 50 лѣтъ тому назадъ. Въ литературѣ Полевой выступилъ защитникомъ романтизма, въ исторіи—противникомъ Карамзина. Обратимъ вниманіе на послѣднее обстоятельство: оно этого заслуживаетъ. Какъ писалъ Карамзинъ свою исторію—известно: это исторія государства, а не народа, это панегирикъ внѣшней силѣ и внѣшнему могуществу, это прекрасный арсе-

наль для всѣхъ аргументовъ національнаго самодовольства. Народа на сценѣ нѣтъ, вмѣсто философской точки зрѣнія—господствуетъ нравственная. Приобрѣтеніе удѣла—великая заслуга, эпитеты добродѣтельный и недобродѣтельный пестрятъ страницы. Сянтиментальный моралистъ повсюду стоитъ рядомъ съ панегристомъ силы. Какъ бы въ отвѣтъ «Исторіи Государства Россійскаго» Полевой пишетъ свою «Исторію русскаго народа».

Прекрасная книга, не утерявшая своей цѣны еще и до настоящаго времени. Для людей-же 20-хъ и 30-хъ годовъ она была настоящимъ откровеніемъ. Молчаливый и закабаленный народъ впервые заявилъ о своемъ непосредственномъ участіи въ дѣлѣ созданія и государства и исторіи. Ему было отведено свое мѣсто, и тѣмъ ярче выступило противорѣчіе между народомъ, создавшимъ исторію, и крѣпостной, безправной массой, въ которую превратился тотъ-же народъ и о чемъ совсѣмъ забылъ Карамзинъ.

Одна эта книга могла-бы обезсмертить имя Полевого, а если прибавить къ ней его заслуги какъ издателя «Московскаго Телеграфа», какъ предшественника Лермонтова, то право становится грустнымъ, что у насъ нѣтъ даже его приличной біографіи и только десятокъ статей, разбросанныхъ въ журналахъ, да давно затерявшійся памятникъ на Волковомъ кладбищѣ—вотъ и все, что осталось отъ сильнаго бойца, когда-то передоваго дѣятеля нашего общества...

Правда, впоследствии Полевой самъ себя опровергъ и набросилъ на свое имя очень темную тѣнь. Случилось это послѣ неожиданнаго прекращенія «Московскаго Телеграфа», когда его издатель остался безъ всякихъ средствъ къ жизни и къ довершенію всего получилъ строгое внушеніе. Человѣкъ умалился. Теперь если ужъ надо о чемъ рассказывать, то не о прежней почти героической борьбѣ съ самодовольствомъ и обскурантизмомъ, а о писаніи только патріотическихкихъ произведеній, о сотрудничествѣ съ Булгариннымъ, объ откровенномъ ухаживаніи и забѣганіи передъ силой жизни. Полевой дѣлалъ все, что могъ, чтобы забыли его-же самого и первую половину его дѣятельности. Однако онъ не достигъ этого.

Посмотрите, какая глубокая пронія и вмѣствѣ съ тѣмъ какая глубокая истина скрывается въ словахъ Вѣлинскаго, случайно брошенныхъ имъ въ одной изъ бібліографическихкихъ замѣтокъ: «Не тотъ г. Полевой, который не додалъ шести книжекъ «Рус. Вѣст.», не тотъ, который выкраиваетъ изъ чего попало плохія драмы, создаетъ комедіи вроде «Война Фодоси Сидо-